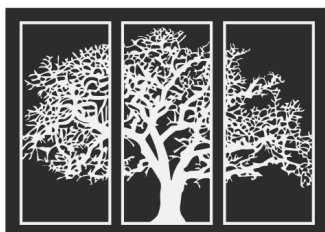

*Посвящается моему папе,
который научил короля Оникса
безмерно любить свою дочь,
а Медвежьего Стража — защищать слабых.
Мы встретимся в Надлунном мире.*

Пролог

Половину жизни Солярис считал, что ненавидит людей. Эта ненависть началась с молока.

— Ты будешь пить, братик?

Юта смотрел на него глазами, полными надежды, и давился голодной слюной так, будто не видел еды месяцами. Несмотря на то что домашний стол всегда ломился от сахарного тростника, инжирных пирогов и прочих сладостей, ничто не могло превзойти вкуса топлёного молока, на поверхности которого ещё плавали несцеженные сливки. Солярис прекрасно знал это, ведь знаменитая драконья слабость к молоку не обошла стороной и его. Однако он караулил разноцветные телеги купцов у главных ворот и отстаивал длинные очереди вовсе не ради себя, а ради того, чтобы сказать:

— Нет, я ведь купил его для тебя.

Юта ахнул и, поколебавшись лишь секунду для приличия, жадно приник ртом к тонкому горлышку, выхватив у Соляриса бурдюк. С его вылупления прошло всего-навсего несколько лет, потому он легко забывался от восторга: внезапно отращивал хвост в приступах радости, а иногда и вовсе не мог совладать с собственными конечностями, будто впервые принял человеческий облик.

Вот и сейчас молоко залило ему всё лицо, скатываясь под ворот рубахи жемчужными каплями, на что Сол рассмеялся, доставая платок: если он вернёт младшего брата в таком виде домой, то им обоим несдобровать!

— И всё-таки люди готовят самое вкусное топлёное молоко на свете, — воссиял Юта, быстро опустошив бурдюк

почти до самого дна. — Как хорошо, что они привозят его к нам в Сердце!

Драконий город под названием Сердце существовал больше десяти тысяч лет и, словно настоящее сердце, что билось в груди каждого живого существа, никогда не умолкал. Здесь трещали раскалённые угли под ступнями сородичей, кружащихся в танце, и пахло острыми специями, привезёнными из далёких краёв. Здесь каждый второй норовил напоить тебя медовухой, а каждый третий приходился тебе дальней роднёй. Здесь вращались искусные механизмы, изобретённые Старшими, и сторали пёстрые ткани, не выдерживая внутреннего жара тех, кто был в них одет. Здесь ковалось лучшее в мире оружие и эхом пела свирель, будящая раньше рассвета. А ещё здесь можно было купить всё на свете от самого дорогого дейрдранского льна до вкуснейшего топлёного молока.

Всё это существовало столетиями... Но ис-

8 чезло за одну ночь.

— Братик... Мне что-то нехорошо...

По лицу Юты больше не текло молоко — по нему текла кровь. Солярис судорожно искал на теле брата раны, но их не было — кровоточил сам Юта, везде и отовсюду сразу. Тёмно-бордовая кровь лилась у него изо рта и носа, сочилась из-под ногтей. Она пузырилась на подбородке и, капая на ступени, шипела на камнях, источая пар. Эта кровь была слишком горячей даже по меркам драконов, в чьих жилах пылал солнечный огонь: Солярис несколько раз обжётся до волдырей, пытаюсь обнять Юту за плечи и остановить то, что остановить было невозможно.

— Смотри на меня, Юта! Я здесь!

Но брат не увидел бы его, даже если бы ещё не потерял к тому моменту сознание: брызжа из-под век, кровь залила ему глаза, окрасив в алый и белки, и золото радужки. Серебряная чешуя порезала Солярису руки: в судорогах Юта лихорадочно покрывался ею то тут, то там. А затем эта чешуя вдруг порвалась на нём, как изношенная одежда, и начала отслаиваться вместе с кожей и мясом от самых костей.

— Юта!

Спустя всего несколько минут Солярис держал на руках уже не брата, а безобразное месиво. Ни лица, ни чешуи, ни золотых глаз — только мокрые язвы, мгновенно разложившаяся плоть и молоко, пролитое из бурдюка вместе с Мором. Таких бурдюков на земле всего города лежало немерено, как и маленьких окровавленных трупов в окружении плачущих матерей.

Ночь Мора, когда тысяча детёнышей сделала свой последний глоток молока, стала самой громкой ночью в истории Сердца. Впервые драконы выли, как волки, и ненавидели так же сильно, как их, оказывается, ненавидели люди.

Больше Солярис никогда не слышал свирели и не вдыхал аромата острых специй. Всё, что окружало его с того дня, — это лязг мечей и кровь сородичей, в которой утопали тлеющие пёстрые ткани.

«Докажи, что драконов, рождённых в Рок Солнца, недаром считают особенными. Не подведи Старших. Не подведи Юту!»

Пролетая над лесом — последним, что отделяло Соляриса от замка Дейрдре, — Сол едва сдерживал тошноту: сладость бузины смешалась со смрадом смерти. Он видел горящие факелы меж заснеженных деревьев и слышал рёв, с которым драконы вгрызались в воинов королевского хирда. Несколько сородичей погибло прямо на лету, подкошенные снарядами баллист, и Солярис взмыл ввысь, под самые облака, чтобы избежать удара. Как бы он ни хотел помочь, война не его удел.

Его удел — отмщение.

Кожистые крылья отбрасывали маслянистые тени, сгущая темноту, и, слившись с ней, Солярис быстро миновал гудящий лес. Тот стал рубиновым от крови, как и его любимый город.

«Война никогда не закончится, если мы не покажем человеческому роду, каково это — терять своих детей!»

Солярису минуло всего полвека: пускай тело уже окрепло, но едва ли он смог бы задавить и лошадь. На свете жили

драконы гораздо крупнее, и если раньше Сол мечтал вырасти до их размеров, то теперь гордился своей худощавой комплекцией: именно она позволила ему пересечь все девять туалетов и остаться при этом незамеченным. Благодаря ей же он бесшумно приземлился на синюю крышу башни-донжона, что возвышалась над замком Столицы в туалете Дейдрдре, сложил крылья и протиснулся в единственное стрельчатое окно.

Витражные стёкла посыпались с башни вместе со снегом.

Люди — жестокие, порочные звери, что хуже болезней... Но в этом крошечном существе, которое Солярис обнаружил в центре башни, не было ни порока, ни элементарных представлений о нём. Она пахла сливками и овсяным печеньем, как сладкое лакомство в зимний Эсбат, и даже не закричала, когда он спрыгнул с широкого подоконника и приземлился перед ней на передние лапы.

10 *Человеческий детёныш.* Значит, вот как они выглядят.

В подвесной колыбели, набитой лебяжьим пухом и меховыми подстилками, лежала крохотная девочка трёх месяцев от роду. Несмотря на поздний час, она не спала, но и не плакала тоже. Лишь тянулась ручками к резным фигуркам животных из черемухи и ольхи, свисающим с жёрдочки. Светлые волосы цвета морского песка топорщились, как петушиный хохолок, а глаза оттенком напоминали васильковые лепестки. Зависший над колыбелью Солярис видел в них собственное отражение — белоснежного зверя, пышущего жаром, из-за которого в башне становилось душнее, чем в городской бане, — но ничего больше. Драконы в этом возрасте не только гораздо крупнее, чем люди, но и умнее — они по крайней мере уже умеют бояться.

Солярис встрепенулся, вспомнив о том, зачем он здесь, расправил крылья и медленно занёс когтистую лапу. Дитя-то совсем мелкое, тоньше рыбьей косточки... Одного удара вполне хватит, чтобы расцедить тельце пополам, а хлесткого удара хвоста — чтобы разломать вместе с кроватью. Острая чешуя не оставит живого места.

Люди истребляют его род — он истребляет их. Они уничтожили беззащитных детёнышей — он отвечает тем же.

Солярис повторил это про себя несколько раз.

Люди истребляют его род — он истребляет их. Они уничтожили беззащитных детёнышей — он отвечает тем же. Они совершили зло — и он... он тоже совершает зло.

Огонь мира сего, какой же в этом смысл?!

— Схватить его!

На миг Солярис перестал видеть в глазах ребёнка васильковые лепестки и своё отражение — он увидел огонь. Такой же беспощадный, как война, и такой же рубиново-красный, как та кровь, что брызнула из его крыльев и боков, которые обвила стальная цепь.

Что за скверна? Это он принёс её с собой?..

— *Сияй, мерило небесное, зажги сердца своих сыновей!*

Солярис услышал хруст своих костей, топот дюжины воинов хирда и женское пение, несущее древний сейд. В тот момент боги навсегда отвернулись от него и обернулась судьба. У неё был невинный детский лик, но жилистые женские руки, пропитанные соком священных трав и помеченные ритуальными шрамами. Эти же руки крепко держали веретено, перебирали нити и связывали их так же, как связывали души.

— *Пылай, мерило небесное, согрей утробы своих дочерей!*

Королевская вельва кружила вокруг Соляриса, пригвождённого к полу, — босая, погружённая в транс, заляпанная его солнечной кровью и расцвеченная ожогами от неё, как краской. Солярис узнал эту песнь — единственная существующая драконья молитва, воспетая ещё Первым Старшим, которую людям не положено знать.

Но вельва не просто знала её — она её извращала.

— *Скрепляй, мерило небесное, горячее, чем звёзды, крепче, чем закалённая сталь. Как река впадает в море, как за счастьем неизбежно горе, так два становятся одним. Сияй, пылай, скрепляй и будь неразрушим!*

Солярис взвился, растягивая лязгающие звенья цепей, и попытался раскрыть крылья, чтобы дотянуться костью-

ными гребнями до навалившихся на крепления воинов. Ярость, скопившаяся в грудной клетке, уже подкатывала к горлу жарким огнём. Он собирался выдохнуть её — выдохнуть и сжечь дотла весь замок раньше, чем вельва закончит его проклинать, — но костяное остриё веретена оказалось быстрее.

Удивительно, сколь легко вельва пробила его толстую чешую, которая была не по зубам даже метательным копьям. Солярис рухнул на брюхо как подкошенный: боль прошла всё тело от груди до хвоста и показалась Солу такой сильной, будто в него и впрямь засадили копьё.

Воздух сотряс пронзительный детский плач. Очевидно, костяное веретено настигло не его одного.

— Дракон Солярис, в Рок Солнца рождённый, дарован принцессе Рубин, рождённой в Ночь Мора. Сияй, сверкай, скрепляй!

Вельва знает не только их молитву? Она знает... его самого?

И тогда Солярис понял: боги не просто отвернулись от него — они уготовили ему участь, что хуже смерти.

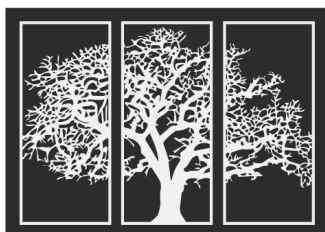
— А ты куда меньше, чем я ожидала, — сказала вельва, склонившись над Солярисом так низко, что, если бы не очередная цепь, обмотавшаяся вокруг его морды после попытки выдохнуть пламя, Сол бы откусил её разукрашенное лицо. — Впрочем, для госпожи так даже лучше.

— Виланда, — позвал кто-то. — Ну что там?

— Я закончила. Её последняя воля исполнена.

Солярис не услышал, что и кому она сказала дальше, — цепи почему-то ослабли, когда вельва бросила окровавленное веретено на пол. Недолго думая, Сол воспользовался этим: встал на дыбы, подбросил в воздух несколько кричащих воинов и, ударив вельву наотмашь хвостом, бросился к окну. Затем, не оглядываясь, оттолкнулся от рамы, усыпанной витражными стёклами, расправил крылья в прыжке...

И камнем упал вниз.

1

Короли и боги

В нашем мире сердцами людей правит четвёрка богов. Каждому из них принадлежит своя сторона света.

На Севере восседает Волчья Госпожа — мать холодов и древнего сейда, из которого вэльвы, её верные жрицы, плетут нити человеческих судеб. За Госпожой всегда следует стая верных волков, вскормленных её собственным грудным молоком, а путь им устилают трава-ворожея и животные кости. Поклоняться Госпоже означает поклоняться женской мудрости и тем силам, что должны оставаться недостижимыми для людей.

На Западе звонко смеётся Кроличья Невеста, пробираясь через вербеновые поля, — олицетворение детства, влюблённости и проказливых игр. Она несёт за собою весну, а потому не нуждается в ином одеянии, кроме как в нежном платье из белого льна. Стая кроликов с сияющим мехом следует за ней не менее верно, чем волки за Госпожой. Там, где ступает Невеста, восходят посевы, и её поцелуй хранит новорождённых да бедняков.

На Востоке хозяйничает Совиный Принц — юноша, сияющий ярче алмазных сокровищниц прошлых и будущих королей. Покровитель купцов и художников, путешественников и мудрецов, убийц и воров. Одни молятся ему, чтобы убить, а другие — чтобы не быть убитыми. Готов возложить на алтарь фамильные драгоценности с подогретым клубничным вином — и Принц будет следовать за тобой до расвета, кем бы ты ни был.

На Юге караулит границы Медвежий Страж — покровитель военных и заступник всех обездоленных, чья сила превосходит силу тысячи свирепых берсерков, а сострадание не знает границ. Сырое мясо и уважение к предкам — единственный бог, который не просит о большем. Страж следит за исходом каждой войны и каждого боя, ибо тот, кто держит в руке меч, держится за руку Стража.

Я не знала, кому из них мне следует молиться, поэтому молилась всем четверым. День ото дня, с утра и до вечера, прося лишь об одном — чтобы отец согласился. На мой тринадцатый день рождения я наконец-то получила его разрешение, а вместе с этим и исполнение своей мечты — мой первый в жизни *полёт на драконе*.

Даже самые дорогие ткани из Ши, славящегося своими искусными портными и тузовыми шелкопрядами, не ласкали кожу так, как это делал ветер над уровнем облаков. Я навсегда запомнила это

14 чувство, жжение в груди и пульсацию крови в висках. Всё моё существо кричало о том, что небеса не созданы для людей. Чешуя — жёсткая и острая, как маленькие ножи, торчащие во все стороны, — цеплялась за одежду и резала пальцы. А свист, с которым крылья резали воздух за моей спиной, оглушал и напоминал первобытную музыку.

Весь Дейдрре казался крошечным сверху, но ещё меньше казались люди, снующие по нему. Отсюда даже можно было разглядеть Изумрудное море и пики заснеженных гор, напоминающие гребни на спинах уснувших драконов. Между такими же гребнями сидела и я сама, прижавшись к хребту Соляриса животом, когда перед глазами вдруг заплесали чёрные пятна, а воздуха стало катастрофически не хватать. Слишком воодушевлённый первым за тринадцать лет полётом, Сол не услышал мой затихающий голос... А затем, окончательно забыв о моём существовании, нечаянно сбросил меня вниз.

С тех пор у нас с Солярисом появилось два незыблемых правила: никогда не летать без специального ремня, прикрепляющего меня к его гребням, и стараться не подни-

маться выше облаков, потому что, когда я оказываюсь без сознания от разреженного воздуха, поймать меня в случае падения становится ещё сложнее.

Несмотря на то что с того дня миновала уже тысяча таких полётов, во снах мне всегда являлся самый первый. Правда, в этот раз с моим сном было что-то не так... Вместо Цветочного озера, куда мы с Солярисом упали на самом деле, мы провалились в огненное пекло. Весь Дейрдре полыхал, как погребальный драккар¹ моей матери, и не осталось в нём ни людей, ни животных, ни моего дома — только бесконечный и безжалостный пожар.

Я распахнула глаза и, держась за старые шрамы под рёбрами, резко села на постели. В воздухе больше не пахло гарью и запёкшейся смолой священных тисовых деревьев — только мелисса и лаванда, набитые в подушку моей заботливой няней-весталкой. У меня ушло несколько минут на то, чтобы прийти в себя, исследуя пальцами деревянное изголовье кровати и отметины, оставленные на нём: беркана, соуло, эйваз... Оберегающий став², любовно выточенный зазубренным драконьим когтем много лет тому назад. Почему же вы, древние руны, не работаете?

— Матти, ты спишь?

Я осторожно тронула её рукой, зарытую под медвежьими шкурами на соседней подушке. Из-под них выглядывали лишь её ступни в шерстяных носках, наверняка заледеневшие, как и мои. С наступлением зимы камин переставал справляться со своей задачей, а месяц воя и вовсе был самым суровым месяцем в году. Даже растопленный тиковыми поленьями и прикормленный вином для пушного жара камин затухал и превращался в прах уже к утру, если за ним не следить. Чтобы не подхватить воспаления лёгких,

---

¹ Д р а к к а р — длинный и узкий деревянный корабль с высоко поднятыми носом и кормой. — *Здесь и далее примечания автора.*

² С т а в — комбинация рун, образующих магическую формулу, предназначенную оказать какое-либо влияние на человека или предмет.

приходилось просыпаться несколько раз за ночь и менять жаровню, снова и снова согревая постель.

Я растёрла замёрзшие ноги и, нащупав под шкурой длинную ручку, вытащила оттуда медную сковороду. К счастью, камин ещё держался. Решив не будить Матти, я сама откопала на его дне несколько тлеющих углей и горячую золу, пересыпала их на дно жаровни и, замотав ту в льняную ткань, вернула в постель. Обнаружив источник тепла, Матти тут же вытянулась и обвилась вокруг жаровни, как змея.

Цварк. Цварк!

Я стянула с ладоней копоть и запрокинула голову. Крыша ходила ходуном, но уже спустя минуту эта дрожь, сопровождаемая металлическим лязганьем, сместилась на внешние стены башни.

— Глупая ящерица, — пробурчала я, укутываясь в овчину, и направилась к двери, ведомая не столько бессонницей после кошмарного сна,

16 сколько любопытством.

За семнадцать лет посты хускарлов ни разу не менялись: я знала их расположение наизусть — пожалуй, даже лучше, чем названия покорённых отцом туатов. Тем более за воинами всегда тянулся отчётливый шлейф медовухи, без которой в месяц воя было трудно согреться, — благодаря этому их приближение чувствовалось за лигу¹. Виляя по каменным коридорам, я быстро пересекла восточное крыло и оказалась в южном, а ещё через пять минут юркнула в пристроенную башню, стоящую особняком от остального замка. В ней гулял ветер, просачиваясь сквозь трещины в камне, а со стен на меня смотрели гобелены паутин. Дойдя до последнего факела в напольном держателе, я тем самым пересекла невидимую границу... И окунулась во тьму.

Несмотря на то что башня состояла всего из одной комнаты, в ней было сложно ориентироваться на память: мебель кучковалась и часто передвигалась, будто никак

---

¹ Л и г а — мера измерения длины, равная примерно 1,2 километра, или 1200 шагам в мире Круга.

не могла найти своего места. Выставив перед собой руки, чтобы не убиться о какой-нибудь косяк, я очертила пальцами комод, а затем, шаг за шагом, добралась до письменного стола и нащупала связку свечей. К счастью, серные черенки всегда лежали рядом с ними. Выверенным движением подпалив несколько фитилей, я облегчённо выдохнула, распустив по комнате слабый свет, и огляделась.

— Как холодно, — вырвалось у меня от удивления.

Такой холод был неестественным для местного обитателя. Это настораживало едва ли не больше, чем его непосредственное отсутствие: насколько давно он ушёл, что башня успела так остыть? Я вставила свечи в настенные канделябры возле кровати, а одну взяла с собой, чтобы приблизиться к дырявому креслу, поверх которого лежала открытая книга. Жухлые страницы, затёртая обложка с рунической вязью... В той едва читалось «Память о пыли».

— А я говорил, что твоя весталка абсолютно бестолкова. Она даже не научила тебя стучаться!

17

Визг поднялся к горлу, но, так как подобное случалось не единожды, я тут же проглотила его обратно и обернулась с раздражённым выражением на лице. Если бы не глаза Соляриса, светящиеся в темноте, как огоньки ещё двух жёлтых свечей, я бы даже не поняла, что он уже здесь. Оказывается, стрельчатое окно, выходящее на утёсы Изумрудного моря, было не заперто: оно бесшумно приоткрылось, впуская Сола, и точно так же бесшумно закрылось на щеколду.

Как жаль, что я не заметила этого раньше и не заперла его на улице в назидание!

— Что ты здесь делаешь? — спросил Солярис, решив, что от испуга я, похоже, онемела. Отчасти так оно и было. — Замёрзла и снова пришла просить, чтобы я подышал огнём в твой камин? Разбуди Матти или оденься потеплее. Мне некогда.

Я осторожно приблизилась и сощурилась, пытаюсь разглядеть, что он несёт в руках с серповидными агатовыми когтями, до сих пор покрытых жемчужной ребристой че-

шуёй. Лунный свет падал на холщовый мешок, явно тяжёлый — Солярис спрыгнул с подоконника не так грациозно, как обычно. Внутри мешка при этом что-то загрохотало.

— Эй, ты слышишь меня? — Солярис сбросил загадочный мешок на постель и выпрямился. Его силуэт удлинился, а глаза — единственное, что было видно при таком освещении, — загорелись ещё ярче. — Иди спать!

— Отец убьёт тебя, если снова увидит пробоины в крыше. Ты ведь знаешь, что карабкаться по замку запрещено! В прошлый раз после твоих «прогулок» на ремонт ушла половина казны.

Солярис зажёл сразу с десятков свечей из разорённой мною связки. Для этого ему даже не пришлось искать черенки — он просто поднёс фитили к губам. В комнате резко посветлело... И потеплело тоже. Тело Сола всегда источало нечеловеческий жар, потому я и находила в его башне убе-

18 жище — и от холода, и от бессонницы, и от одиночества. Правда, не сказать, чтобы Солярис был от этого в восторге...

— Я не гулял, — сказал Солярис, когда я уже было решила, что он мне не ответит.

— Для дежурств у нас есть хускарлы и хирдманы, — напомнила я.

— Я и не дежурил.

— А что ты тогда делал?

В этот раз ответа всё-таки не последовало.

Несмотря на то что в первородном облике Солярис вешил пару тонн, из-за чего крыши под ним частенько проламывались, в человеческой форме он передвигался плавно и тихо, как сам ветер. Даже старые доски, которыми были вымощены полы башни, не скрипели от его шагов так, как от моих, хоть я и была в два раза меньше. Без единого звука Солярис обошёл постель и водрузил капающие свечи на каменные выступы в углах комнаты, что обычно предназначались для алтарей, но сейчас пустовали.

— Солярис... — позвала я, заставляя его повернуться.

Когда зернистый свет растёкся и рассредоточился по комнате вместе с расставленными свечами, глаза Соляриса погасли, сделавшись золотисто-медовыми, как пчелиные соты. В них отражалось не только свечное пламя, но и те невзгоды, что Солу довелось пережить, когда меня ещё не было и в поmine. Чешуя окончательно сползла с его фарфоровых рук, выглядывающих из-под закатанных рукавов домотканой рубашки — так же легко на улице таял снег с приходом весны. Сейчас он таял и в его взъерошенных волосах, тоже жемчужных, как украшения в моей королевской шкатулке. Они никогда не отрастали, не меняли ни цвета, ни длины — Солярис не менялся тоже, застыл на пике своей юности. Внешне он был одного возраста с самым молодым ярлом, назначенным моим отцом в прошлом году, но достаточно было заглянуть в эти красивые светящиеся глаза, чтобы понять — Сол намного старше.

— Если ты соскучился по полётам и первородному облику, то мог бы просто сказать, — прошептала я, даже не пытаясь скрыть вину, которую чувствовала за это. За его жизнь в заточении и неволе. — Моё Вознесение уже завтра. Мы сможем летать столько, сколько захотим. Главное, не нарушай запреты отца и не досаждай ему. Иначе я... не смогу защитить тебя.

19

В башне пахло старостью и пылью, но, когда здесь находился Солярис, её заполнял запах пергамента, кожаных переплёттов, мускуса и сухого тепла. Эти ароматы окутали меня, когда он подошёл вплотную. Я увидела, как смягчилось его лицо со строгими и упрямыми чертами, и уже в тысячный раз поймала себя на мысли о том, какие же у него белые брови и ресницы: те почти сливались с кожей. Зато губы горели ярко, обветренные на морозе.

Когда Солярис нагнулся ко мне, рубаша с широким воротом сползла с одного его плеча, оголяя шею. Тонкая полоса цвета запёкшейся крови, охватывающая её, была шершавой на ощупь. Я точно знала это, потому что собственноручно сняла с Сола тот ошейник из чёрного серебра, который её оставил.

— Рыбья кость, — удручённо вздохнул Солярис, смотря на меня сверху вниз, и я вспыхнула. Теперь он вздумал бросаться глупыми детскими прозвищами?! — Подойди сюда.

Он попятился и возвратился к той стороне постели, на которой лежал холщовый мешок. От близости Соляриса к канделябру по всей спальне рассыпались тени — так мерцала серьга из латуни в его левом ухе. Свет играл на всех тринадцати гранях маленького изумрудного шарика

на конце её подвески. Как только я двинулась следом за Солом, теней на полу стало в два раза больше: в моём ухе, только правом, свет приветствовала идентичная серьга.

— Что это? — спросила я, наклоняясь ближе к мешку, и тогда Солярис дёрнул за шнурок, высвобождая его содержимое. — Дикий!

Ругательство само слетело с уст, когда на покрывале передо мной рассыпались черепа. Большинство из них уже начали крошиться, мо-

20 лочно-белые после обжига в ритуальном огне, в котором торжественно сторала их плоть после смерти. Солярис протянул к ним руку и подхватил один черепок, продев в его глазницу заострённый коготь. В черепе совсем не осталось зубов и даже отсутствовала нижняя челюсть, отчего он выглядел ещё более жутко, чем остальные.

— Где ты их взял? — скривилась я, тронув черепок лишь кончиком указательного пальца, когда Солярис забавы ради протянул его мне, как увеселительную игрушку.

— Собрал трофеи после плотного ужина.

— Какого ещё ужина?! Ты сегодня ел пирог с лососем, я же видела.

— Это с позапрошлого.

Я скептически приподняла одну бровь и оглянулась на комнату. Из здешней мебели Солярис использовал только письменный стол, заваленный старыми книгами, и шкаф с одеждой, которую мне регулярно приходилось штопать у портнихи. Всё остальное занимало место коллекции ради: потемневшие зеркала и надколотые витражи, ржавые ремесленные инструменты и резные фигурки, сломанные луки и за-

тупленные мечи... Я считала это сором, а Солярис — своими сокровищами. Он находил особую прелесть в тех вещах, что другие отвергали или считали уродливыми. Наверное, то, что теперь он начал коллекционировать человеческие останки, тоже не должно было меня удивлять.

— Они из склепа Тысячи Потерь, — неожиданно сознался Солярис и выбросил крутящийся на когте черепок обратно в груды прочих.

Нет, всё-таки я удивилась. А ещё почувствовала, как даже в овечьей накидке и рядом с драконом мороз пробрал меня до костей.

— Ты вторгся в склеп хирда, павшего в битве при Рубиновом лесу?! — Я терпеливо дождалась, когда Солярис кивнёт, и только тогда закричала: — Разорять захоронения запрещено точно так же, как и ломать крышу! Если кто-нибудь узнает...

— Не узнает, если перестанешь орать как кошка, которой на хвост наступили.

— Зачем тебе останки бедных воинов, скажи на милость?

— Вечером я застал возвращение Мидира в замок. Судя по выражению его лица и грязной одежде, Красный туман снова объявился.

— Туман?... — Я осела на постель в изножье, так, чтобы не касаться разбросанных черепов, и устало помассировала пальцами занывший от перенапряжения лоб. — Дикий. Это поистине дурное известие. Но я всё равно не понимаю... Зачем ты вторгся в склеп хирда? Думаешь, если лес зовётся «рубиновым», а туман «красным», то у них обязательно должно найтись нечто общее?

Солярис снисходительно цокнул языком и, поставив локти на изножье кровати, посмотрел на меня со смесью умиления и разочарования.

— Красный цвет — цвет потустороннего мира. Недаром кровь и у людей, и у драконов красная. Мы все пришли оттуда.

— И чем, по-твоему, Рубиновый лес и Красный туман могут быть связаны?

Солярис опять ничего не ответил — только моргнул медленно, будто рептилия, которой я часто его дразнила. Возможно, отвечать ему было и нечего — о Красном тумане, уносящем по сотне человек разом в местах своего появления, было почти ничего не известно. Всё, что находили воины хирда, прибывая на место, где успел побывать туман, — это куцые кровавые облачка, стелющиеся низко к земле, словно неаккуратно состриженная овечья шерсть.

И абсолютно пустые деревни. Фермерские угодья, домашний скот и даже мебель — туман не трогал ничего, кроме самих людей. Те растворялись вместе с ним так, словно их никогда не существовало. Из-за этого никто толком и не видел, как именно приходил туман и как он исчезал, — за все полгода с момента его первого появления очевидцев набралось меньше, чем пальцев на одной руке.

Рубиновый лес сильно отличался от того, что беззастенчиво сожрало уже четверть туата Талие-

22 син и навело панику на все близлежащие земли. Ведь Рубиновый лес был страшен разве что своей историей, которая насчитывала уже семнадцать зим. Остроконечные изумрудные листья окрасились в цвет потрошённой плоти после того, как на землю пролилась кровь тысячи славных воинов хирда, полёгших в войне от драконьих когтей. Корни деревьев впитали её, а вместе с тем впитали жизнь: отныне даже зима не могла заставить листья посереть и опасть. Лес дышал, потому что его недра согревали неупокоенные души. И всё-таки он был безопасен... В отличие от тумана, который, поглощая, никогда и никого не возвращал.

— Иди спать, — сказал Солярис в который раз. — В такое позднее время даже вёльвы к сейду не взывают. Скоро начнёт светать, а у тебя Вознесение на носу. Тебе тоже не стоит сердить короля Оникса, хоть он тебя и любит.

Солярис знал, на что давить. Я заворчала, неохотно слезая с постели, и одёрнула ночную сорочку под накидкой, нецеломудренно задравшуюся до самых бёдер. Впрочем, Солярис даже бровью не повёл, уже полностью поглощённый книгой, оставленной на дырявом кресле. Что бы Сол

ни собирався делать с похищенными черепами, он явно хотел сначала дождаться моего ухода. Попытки провести его, снова расспросить или переубедить не имели смысла: там, где я была просто упряма, Солярис был невыносим.

— Эй, постой-ка.

— А?

— Вот, держи. Только цыц!

Моя ступня уже зависла над порогом комнаты, когда Солярис, как всегда, сменил гнев на милость. Порой он был так же непредсказуем в своём настроении, как месяц синиц, когда Изумрудное море не знало покоя и за одни сутки штиль сменялся штормом, а затем снова штилем. Отложив книгу и подхватив вместо неё с тумбы грушевидную склянку, помутневшую от пыли и времени, Солярис быстро наполнил её своим дыханием и впихнул мне в руки.

— Этого должно хватить, чтобы ты смогла уснуть.

Я опустила глаза на склянку, обёрнутую в лоскут ткани, чтобы я не обожглась: в закалённом стекле плескалось настоящее пламя, только искристо-синее, словно сапфиры, — самый горячий огонь из тех, который умели выдыхать драконы. У меня оставались считанные минуты на то, чтобы добраться до спальни и выпустить его в очаг. Только поэтому я ограничилась улыбкой и шепнула:

— Спасибо. А ты не читай слишком долго! Иначе опять завтра глаз не разомкнёшь.

Солярис молча уселся в кресло и, закинув ногу на ногу, уткнулся в книгу, будто мне назло. К его счастью, мне действительно нужно было спешить.

Когда я возвратилась в свои покои, по наитию миновали посты стражи точно так же, как и до этого, Матти даже не изменила своего положения на постели. Она всегда спала как убитая и наверняка продолжила бы спать, даже если бы Солярис тогда не ушёл с крыши башни, а постучался в окно и попросил его впустить. Камин же как раз успел угаснуть: я торопливо подбросила в него колбу, побоявшись открывать

её голыми руками, и несколько раз стукнула по ней кочергой, пока на стекле не проступила трещина. Голубой огонь полился наружу, и закопчённые поленья вновь вспыхнули, да так ярко и высоко, что едва не подпалили мне брови.

Довольная результатом и волной жара, прокатившейся по студёной спальне, я забралась к Матти под слой шитых медвежьих шкур. Из дальнего конца комнаты со стороны запада на меня смотрел алтарь: в предрассветный час глаза

Кроличьей Невесты всегда наливались жемчужным блеском — согласно преданиям, такого же цвета были шкурки её звёздных крольчат. В месяц воя живые цветы достать было практически невозможно, но вёльвы знали толк в обращении с дарами природы и умели подолгу сохранять их первозданную красоту. Именно поэтому алтарь, сплетённый в пирамидку из живых венков, всё ещё цвёл и благоухал, распуская по комнате приглушённую сладость вербены. Смешиваясь с за-

24 пахом лаванды, набитой в мою подушку, и запахом Соляриса, оставшемся на моих волосах, он убаюкивал. Я быстро уснула, согретая изнутри.

Правда, спалось мне пускай и сладко, но недолго.

— Драгоценная госпожа!

Сколь бы крепко или мало ни спала Матти, она всегда просыпалась с восходом солнца, будто её в детстве петух клюнул в темечко. Я застонала, пряча голову под подушку, и, кажется, случайно выбила ногой жаровню: что-то металлическое покатило по полу, грохоча.

— Драгоценная госпожа, сегодня ваш первый Совет, вы забыли? Уже почти семь утра! Драгоценная госпожа... Рубин, Дикий тебя побери, вставай же!

Матти дёрнула на себя медвежьи шкуры и легко перевернула меня на спину.

— Прошу тебя, поднимись! Или я больше никогда не буду гадать с тобой на углях! Из-за этого мы снова легли так поздно...

— Именно так и нужно ложиться накануне Вознесения, — сонно пробормотала я, свешивая с кровати ноги

и растирая слезящиеся глаза: Матти уже раздвинула шторы, и за окном оказалось так бело от снегопада, что меня ослепило. — Кто знает, когда ещё мне доведётся провести вечер в компании моей любимой молочной сестры?

Будучи старше меня на четыре года и приходясь мне не только главной служанкой, но и единственной подружкой, чья мать стала моей кормилицей, Матти всегда крайне ответственно подходила к своему «титулу». Впрочем, её работа заключалась лишь в том, чтобы следить за моим расписанием, помогать выбирать лучшие наряды и развеивать мою величественную скуку. Матти была со мной почти так же давно, как и Солярис: мы вместе учили арифметику, вместе перечитали половину книг в библиотеке и вместе таскали сливовые плюшки с кухни, а затем так же вместе получали за это нагоняи. Пусть я и не просила об этом, но порой Матти даже брала на себя вину за мои проступки, будь то разбитая ваза или дорожка из капель крови на полу, один вид которой приводил моего отца в неистовство. Будто бы справедливости ради боги наделили Матти не только львиной храбростью, но и соразмерной красотой, подобной красоте Кроличьей Невесты, из-за чего Матти всегда окружали мужчины. Но, какой бы высокородный господин ни приходил к ней свататься, она оставалась преданна лишь мне одной.

— В этом платье ты, кажется, была на приёме ярла Олвена... А этому бежевому вообще не место в шкафу! С твоей персиковой кожей ты будешь похожа в нём на бледную моль. Хм... Может быть, винно-красный... Или красно-гранатовый...

Моих нахмуренных бровей было достаточно, чтобы Матти, неловко улыбнувшись, отбросила все красные платья в сторону. Ярлы, посещающие Столицу, считали, что это страшное неуважение — не подарить мне нечто такого же цвета, как камни, в честь которых меня назвали. Именно поэтому при одном лишь взгляде на мой гардероб в глазах рябило от алого цвета, а в каждой шкатулке можно было

найти минимум пять рубиновых украшений. Уже в десять лет при виде и того и другого меня сразу начинало тошнить.

— Фиалковое! — озарило Матти, и она вскинула над своей головой фиолетовое платье с аметистовым поясом и типпетами на рукавах из тафты.

Я одобрительно кивнула, глядя на неё с деревянного табурета, на котором сонно раскачивалась всё это время.

Цвет платья напоминал мне не фиалки, а чернику, которую мы с Солом добывали на скорость, пробираясь по летнему лесу с плетёными корзинками наперевес. В этой чернике быстро оказывались и наши рты, и наши руки. Такого же цвета было небо, когда мы возвращались домой. Такой цвет был у моего детского счастья.

— Да, согласна. Замечательное платье.

Матти расплылась в улыбке с обворожительной щербинкой между верхними зубами и приня-

26

лась подыскивать мне башмаки. Сама она уже нарядилась в платье, выгодно выделяющее её пышную грудь и похожее на то, что прежде она отбросила в сторону. В отличие от меня, Матти, с её вороньими волосами, очень шли светлые оттенки, а диадема с дымчатыми бриллиантами идеально подчёркивала серые глаза с вкраплениями весенней зелени. Несомненно, Матти знала толк в моде, и потому безоговорочно доверяла её вкусу.

Подняв вверх руки, я позволила Маттиоле одеть меня сначала в нижнее платье, затем в верхнее. Усыпанное камнями, последнее весило почти как половина меня, и вскоре я почувствовала, как ноют плечи. Когда же на них легла ещё и выбитая накидка из заячьего меха, до того длинная, что волочилась за мной по полу, я едва сдержалась, чтобы не согнуться пополам.

— Зато тепло. И красиво! — как всегда, приободрила меня Матти, и я сдержанно кивнула.

По её мнению, такую красоту было неприлично прятать за длинными волосами, поэтому Матти прилежно расчесала мои локоны гребнем и забрала их на затылке фибу-

лой¹. Слитая из золота в форме трёх лунных ипостасей, фибула почти терялась в такого же цвета волосах, но зато придавала уверенности — когда-то давно её носила моя мать.

— А ты чем займёшься сегодня? — спросила я напоследок, когда, ущипнув за щёки, чтобы придать им здоровый румянец, Матти подтолкнула меня к двери.

— Подготовкой к пиру, конечно! Нужно забрать твоё платье у портнихи и масло из ветивера для ванны, созвать филидов и проследить, чтобы на кухне с блюдами никто не напортачил. Вечером соберутся все ярлы, в том числе новый ярл твоего отца, Дайре. Самый молодой и, между прочим, самый красивый, если верить слухам. — Матти многозначительно понизила голос, но, не встретив ожидаемой реакции, насупилась: — Тебе что, совсем неинтересно посмотреть на него?

— Почему же? Интересно. Он должен быть очень убедителен и хорош в политике, раз сумел понравиться моему отцу настолько, что обошёл своих старших братьев и родного дядю в очереди на трон.

Матти скривилась так, будто глотнула скисшей браги, а затем бросила задумчивый взгляд на камин, пылающий слишком бодро для зимнего утра и подозрительно отливающий синевой. В огне всё ещё потрескивали осколки разбитой склянки.

— Ох, кажется, я поняла...

— Маттиола, не начинай.

— Слушаюсь, драгоценная госпожа.

Это было моим единственным аргументом, когда речь заходила о Солярисе. Отношения между ним и Матти были чуть лучше, чем его отношения с моим отцом, но не более того. Виной всему был сам Солярис. Иногда мне казалось, что он не просто носит, а хвастается клеймом королевского зверя — привязанного, но не приручённого. Сол делал всё для того, чтобы ненависть к нему не утихла с годами

---

¹ Ф и б у л а — металлическая заколка или булавка, которая может использоваться как для украшения одежды, так и для украшения причёски.

и чтобы его не смогли принять: огрызался, ссорился, преступал закон и даже перевоплощался там, где это было неуместно. Немудрено, что новые сплетни о нём рождались чуть ли не ежечасно. Особенно Солярису нравились слухи из туалета Немайн о том, как он пожирает младенцев и спит в гнезде из их изуродованных тел. Видимо, быть покорённым врагом человечества казалось ему престижнее, чем быть его другом. Иногда я задавалась вопросом: Солярис действительно презирает людей? Значит ли это, что в глубине души он презирает и меня тоже?

Почему-то я думала об этом всю дорогу до зала Совета, пока шла в сопровождении трёх угрюмых хускарлов. Наверное, просто думать о Солярисе, неразлучном со мною против собственной воли, было проще, чем размышлять о Красном тумане, с которым я могла сражаться лишь библиотечными фолиантами и пустыми теориями.

28

Благодаря расположению на пике холма замок в любую погоду со всех сторон заливало солнце. Даже сейчас, в лютую пургу, что забелила весь пейзаж за витражом окон, солнечные лучи обтачивали серые камни и раскрашивали их в шафрановый цвет, отражаясь от специальных зеркал, развешенных под потолком по всему замку. Кованные решётки и высокие своды арок нависали над коридорами, а художественные барельефы на стенах рассказывали истории о божественных сидах и прославленной королеве Дейдре, которая произошла от них и воздвигла это место.

Зал Совета располагался в самой удалённой части замка. Из-за толстых стен слышимость здесь стремилась к нулю, и, если бы не частичная глухота отца, заставляющая говорить громче и советников, и его самого, я бы точно не смогла подслушивать Совет так, как делала это сейчас, прильнув ухом к расщелине между дверями.

— Мидир, кто-нибудь из ярлов уже в курсе?

— Никто, мой господин.

— О чём речь? Мы снова будем обсуждать туман?

— Уже десятая деревня на его счету. Считаешь, что уместнее было бы обсудить повышение налогов?

— Возможно. Вознесение предполагает минимум семидневное празднество, а это немалые расходы. Запасы драконьих драгоценностей не бесконечны. Пир Темры и так нас разорил...

— Так продай тот золотой слиток, что носишь на груди и называешь брошью. Разве эта вещица не из сокровищницы Дейдре?

Два мужских голоса, затеявших спор, заглушили моё тяжёлое дыхание и разбегающиеся мысли. Значит, Солярис оказался прав: Мидир и впрямь вернулся с дурными вестями...

— Прикусите языки! — Голос отца, сухой, как осенние листья, но твёрдый, как воля Медвежьего Стража, восстановил порядок и тишину в зале меньше чем за секунду. — Совет ещё не начался, а вы уже сцепились как кошка с собакой. Мидир, пока мы ожидаем, я хочу знать больше...

Голоса снова смешались. В основном я слышала Мидира, но и второй советник, Гвидион, тоже вставил пару слов. Правда, слишком тихих, а оттого неразборчивых. До сих пор молчал только четвёртый советник — за всё то время, что я морально и физически готовилась войти в зал, а заодно собирала полезную информацию, которой со мной могли не решиться поделиться открыто, голос четвёртого советника так ни разу и не прозвучал.

— Где Дикий носит этого крамольца?! — вдруг воскликнул Гвидион. — Уже давно пора начинать!

Так в замке могли обозвать лишь одного человека. Выходит, четвёртый советник до сих пор отсутствует? Тоже опаздывает, как и я? Раз так, то...

— Должно быть, вы захотите войти первой, драгоценная госпожа?

Я вмиг покрылась испариной и отскочила от двери так, будто не имела права здесь находиться. Четвёртый королевский советник, Ллеу, которому прямо сейчас Гвидион беззастенчиво перемывал кости, стоял прямо за моей спиной.

Мне хватило одного взгляда, чтобы понять, почему именно он опоздал: румяные от пара щёки, запах елового масла и сырого дерева купальни, растянутая рубашка, на-

детая так спешно, что шнуровка на груди осталась развязанной и обнажала тело до пупка. Левая часть головы, выбритая и расписанная хной, всё ещё блестела от влаги. С правой же стороны вились вороньи косы — с них тоже капала вода. Почему Ллеу разгуливал практически голым и мокрым в такую лютую стужу, оставалось для меня загадкой, но в этом и заключалась вся суть Ллеу: чувство холода было чуждо ему точно так же, как пунктуальность или совесть. Во многом благодаря именно этому он и стал королевским сейдманом.

— Тоже увлеклись утренними процедурами и задержались? — Ллеу сложил руки за спиной и по-птичьи склонил голову вбок. — Уверен, на вас не станут сердчать так, как на меня.

— Думаю, меня там и не ждут так, как вас, — ответила я, на что Ллеу вновь улыбнулся. Впрочем, улыбаться он, кажется, не переставал даже во сне.

30

Если бы Ллеу распустил свои косы, прикрыл выбритую часть головы и сторбился, дабы замаскировать в складках рубахи отсутствие пышной груди, любой принял бы его за Матти. Не только потому, что Матти была его сестрой-близнецом, но и потому, что худощавая фигура, узкие плечи и тонкие запястья действительно делали Ллеу похожим на женщину. Черты лица у него были даже нежнее, чем у меня, а серо-зелёные глаза с кошачьим разрезом напоминали драгоценные камни на манжетах моего платья. Он будто бы всегда немного щурился, глядя на мир сквозь низко опущенные ресницы, как мой отец смотрел сквозь пальцы на его зверские практики в катакомбах. Те были далеки от того сейда, который практиковала их с Матти мать — Виланда, прошлая королевская вельва, подарившая мне Соляриса, а спустя несколько лет сгинувшая от паучьей лихорадки словно в наказание.

С тех самых пор, как Матти отреклась от наследства вельвы и сей путь вместо неё избрал Ллеу, в замке стали поговаривать, будто Виланда зачала близнецов от разных мужчин. В одну ночь она разделила ложе сначала со своим

мужем, а затем с Совиным Принцем, произведя от первого на свет Матти, а от второго — Ллеу. Мол, только это объясняло, откуда у Ллеу, как у мужчины, такие способности к сейду. И никого не смущало, что вообще-то создательницей всех тайных практик считалась Волчья Госпожа, и Совиный Принц не имел к ним никакого отношения. Из-за этого слухи звучали вдвойне нелепо. Так что если я во что-то и верила, то только в одно: Ллеу был крайне талантлив, а талантливые люди не могут быть просты.

— Я подожду здесь, — учтиво произнёс Ллеу, и улыбка, намертво прилипшая к его лицу, натолкнула меня на мысли о лисах. Если они прикрывают морду пушистым хвостом, то это не значит, что за ним не оскалены зубы. — Дам вам несколько минут.

— Благодарю, — кивнула я и, дождавшись, когда Ллеу уйдёт с прохода и спрячется за угол, кивнула хускарлам, дабы те отворили для меня неподатливые двери.

Даже Матти держала с Ллеу ухо остро. Но раз он давал мне возможность явиться на Совет первой и тем самым произвести не такое плохое впечатление, какое я бы точно произвела, явись на него последней...

— Доброе утро, благочестивые господа. Надеюсь, я не слишком припозднилась.

— Драгоценная госпожа!

На поверку зал Совета, где творилась история, представлял собой всего лишь небольшую каменную комнату, похожую на короб, — в пять раз меньше тронного зала, но в два раза больше моей спальни. Прежде я никогда не бывала здесь, но часто подглядывала за заседаниями в замочную скважину. Вблизи легендарный стол выглядел куда внушительнее: из шлифованного белого камня, словно обтянутого рыболовной сетью из яхонта, он служил не только местом заседаний, но и картой. Прямо на его поверхности был выточен весь Круг — девять туатов, названные в честь своих героев-основателей и покорённые Ониксом в ходе десятилетних завоеваний ещё до моего рождения: Найси, Дану,

Ши, Немайн, Талиесин, Керидвен, Медб, Фергус и, конечно, сам Дейдрре. Реки, леса, горные хребты и два моря по двум краям нашего необъятного мира, за одним из которых пряталась вымершая драконья обитель, — всё это тоже было здесь. Я едва удержалась, чтобы не начать лапать карту руками: интересно, какая она на ощупь? Вырезанные в камне шпили наверняка острые, а вот что насчёт городов, Столицы и нашего собственного замка? Работа мастера была настолько изящна, что, казалось, в последнем даже можно пересчитать окна...

Кроме стола в зале Совета, увы, больше не было ничего примечательного: лишь пять одинаковых стульев с резными спинками, банки с разноцветными красками для разметки обстановки на карте, вышитые гобелены на стенах и двое крупных мужчин у дверей. Те были такими неподвижными, что походили на часть декора. Парадные золотые пластины, ножны, инкрусти-

32 рованные камнями, и кожаные доспехи с ониксовыми наручами... Тех, кто служил лично королю и кого называли *берсерками*, от рядовых хирдманов и хускарлов отличала не только лучшая в Дейдрре одежда, но и нечеловеческая сила. Поговаривали, будто лишь благодаря целой армии таких берсерков мой отец и завоевал Круг, ведь они дрались яростнее медведей, а раны у них заживали так же быстро, как на собаках.

Но было в них и ещё кое-что особенное... А именно отсутствие языка в сочетании с незнанием грамоты. В период завоеваний мой отец соблюдал все возможные и невозможные меры для того, чтобы ни один его военный план не покинул этот замок. С тех пор ряды берсерков заметно поредели из-за ненадобности, грозные воины даже почти исчезли, но отец по-прежнему держал парочку из них под рукой.

— Драгоценная госпожа! — воскликнул Гвидион снова. — Мы не ожидали вашего визита...

Не обращая на него внимания, я повернулась к стулу во главе стола и, даже не успев толком рассмотреть отца,

сидящего на нём, тут же поклонилась так низко, как только позволяли платье и меховая накидка, путающаяся у ног.

— Истинный господин, я прошу дозволения занять своё законное место.

— Законное место?..

— Место дяди Оберона, истинный господин.

Я не видела отца, но кожей почувствовала, как он напругся и впился пальцами в подлокотники своего стула.

Как на человеческой руке пять пальцев, так и у короля должно было быть пять советников, включая его самого. Мой отец, король Оникс, — указательный палец: куда он показывал, туда и поворачивалась голова всего Дейрдре и остальных восьми туатов. Советник Мидир — большой палец, давящий всех нечестивых и неугодных, нарушающих покой туатов или угрожающих ему. Советник Гвидион — безымянный палец, хранитель казны и мастер торговли. До сих пор

отсутствующий Ллеу исполнял роль мизинца — несмотря на скромные размеры этого пальца, рука без него далеко не так проворна, как с ним. Ллеу нёс в себе волю богов, закрывая бреши там, где их не были способны закрыть политика, деньги или убийства. А ещё он следил за здоровьем моего отца... и отсрочивал неизбежное.

Долгое время средним пальцем, ответственным за политику, за которую теперь также вынужденно отвечал Гвидион, был мой дядя по имени Оберон. Но семнадцать зим назад, когда отец потерял своего младшего брата по вине Мора, королевская рука лишилась этого пальца. Все эти годы она оставалась неполноценной, ведь сожми кулак и увидишь — средний палец разделяет все прочие и прижимается к указательному теснее всего. Именно поэтому средним пальцем мог стать лишь тот, в ком текла кровь королевы Дейрдре.

Им могла и должна была стать я.

— Ещё рано. Твоё Вознесение завтра, Рубин.

— Верно, но вы ведь сами дали мне слово, что я приму участие в Совете накануне. А этот Совет как раз последний

перед тем, как мне исполнится восемнадцать, — напомнила я и осмелилась приподнять глаза.

Сказать, какие эмоции в этот момент испытывал мой отец, было невозможно: его лицо плотно закрывала деревянная маска из священного тиса. Лишь в прорезях для глаз мелькали васильковые радужки и молочные бельма, а в прорези для рта — плотно сжатые тонкие губы. Вот откуда по коридорам и залу тѣк бальзамический травяной

запах — с внутренней стороны маска была тщательно смазана настоем из мирта и наперстянки. Без неё здесь бы давно стоял смрад гниющей плоти: хватало несколько минут на свежем воздухе, чтобы язвы отца снова открылись. Сейчас даже его волосы были спрятаны под капюшон — от греха подальше.

Молчание неприлично затянулось. Я снова уткнулась взглядом в пол и склонилась ещё ниже. Любому другому на моём месте следовало бы

34 молиться четырём богам о том, чтобы выжить, но я могла позволить себе молиться лишь о том, чтобы не лишиться шанса уничтожить Красный туман. Ведь если меня не допустят...

— Раз дал слово, то садись.

Скрипнул стул, чиркнув ножками по каменному полу. Смахнув чѣлку и приподняв глаза, я увидела, который именно: то был свободный стул в конце стола, на который жестом указал отец и который тут же отодвинул для меня Мидир. С сердца будто упал камень. Я наконец-то выпрямилась и торопливо прошествовала к своему месту.

— Добро пожаловать в Совет, драгоценная госпожа, — сказал Мидир, придерживая мою накидку, чтобы помочь усесться. В отличие от Гвидиона, произнёсшего то же самое со скептическим прищуром, он точно поприветствовал меня искренне.

Приходясь кузеном ярлу из Медб и будучи верным цепным псом моего отца, Мидир много недель гонялся за проклятым Красным туманом, как настоящий пѣс за парой норок. Я не видела его так давно, что и не признала бы

в других обстоятельствах: за время походов каштановые волосы Мидира с сединой и бронзовыми бусинами отросли до мочек ушей, а массивную квадратную челюсть полностью спрятала густая щетина. Красный плащ, надетый поверх лёгких охотничьих доспехов, напоминал о крови, которую тот годами проливал на войнах бок о бок с моим отцом. О том же самом напоминали и шрамы, испещряющие всё его лицо. Когда мы оба устроились на своих местах, оказавшись по соседству, плечо Мидира невольно прижалось к моему: со своей комплекцией он мог в одиночку завалить медведя, а потому едва умещался на одном стуле.

— Раз с этого дня к нам присоединилась драгоценная госпожа, то теперь членов Совета официально пять, — сказал Гвидион, нервно постукивая перстнями по каменному столу. — Это значит, здесь присутствует четверо из них, что даёт нам право начать совет, не дожидаясь Ллеу.

По сравнению с моим отцом и Мидиром, закалёнными в битве и сохранившими статную форму даже на склоне лет, по Гвидиону было заметно, что он никогда не держал в руках оружие. Его лицо было круглым и рыхлым, а тело щуплым и бесформенным под шерстяной туникой и соболиным мехом. На каждой броши и фибуле, держащих этот мех, красовались руны удачи, благополучия и богатства. В отличие от тех рун, что были высечены на изголовье моей постели, эти руны явно работали — с Гвидионом наш туалет поистине процветал. Однако это наверняка стоило ему немало усилий и нервов, поскольку к сорока годам он почти полностью облысел.

— Пятый советник тоже здесь, истинный господин. Прошу великодушно простить меня за промедление!

Ллеу вошёл в зал Совета как никогда вовремя, и я мысленно прикинула, сколько минут прошло — кажется, две или три. Моя фора истекла.

Если в коридоре Ллеу стоял в одной рубашке, то сейчас на его плечах висел плащ из лиловой замши. Каждый шаг Ллеу сопровождался мелодичным перезвоном колоколь-

чиков на его плетёном браслете — всего пять: золотой для Совиного Принца, серебряный для Волчьей Госпожи, бронзовый для Кроличьей Невесты, медный для Медвежьего Стража... И чёрный ониксовый, который звенел громче других, но не принадлежал ни одному из богов. Или я просто не знала, кому он мог принадлежать.

Забавно... В коридоре этих колокольчиков на Ллеу не было точно так же, как и плаща, ведь иначе я бы его услышала. Он снимает их, чтобы передвигаться по замку незамеченным? Интересно, для чего?

— Моё терпение не бесконечно, — произнёс Оникс, и, пускай его лицо было скрыто под маской, я не сомневалась, что оно искажено праведным гневом. — То, что ты владеешь уникальными знаниями сейда, не даёт тебе уникальных привилегий.

— Каюсь, истинный господин. Я виноват.

В зале повисло невысказанное раздражение.

36 Все присутствующие здесь, включая меня, прекрасно знали, что это не первая и уж точно не последняя промашка Ллеу. До того как моего отца подкосили болезни, а Ллеу вдруг избрал от них чудодейственные припарки и рунические ставы, я была единственной, кому Оникс прощал ошибки. Чтобы убедиться в этом, достаточно было вспомнить мою первую нянечку: та оказалась голышом на морозе в месяц воя сразу после того, как, подстригая мне волосы, задела моё ухо ножами. Конечно, обычное опоздание не шло ни в какое сравнение с пролитием священной королевской крови — одним из самых страшных преступлений, по мнению Оникса, — но в молодости тот карал и за меньшее. Однако сейчас всё было иначе, и ни я, ни другие советники не переставали гадать: всё дело в старости, что сточила острые углы его каменного сердца, или же в том, что Оникс был зависим от Ллеу?

Во всём Круге простой кивок моего отца стоял в одном ряду с божественным благословением. Дождавшись его, Ллеу быстро занял своё место на краю стола. Он снова улыбался.

— Теперь можно начинать, — объявил Оникс. — Мидир! Расскажи Совету то, что уже поведал мне.

Мидир резко поднялся, задев и едва не опрокинув мой стул. Прочистив горло, он мрачно оглядел всех собравшихся и на одном дыхании отчеканил то, что обдало меня ужасом, как ледяной водой:

— Как вы уже знаете, шесть месяцев назад мы столкнулись с невиданным прежде явлением — Красным туманом. Впервые он появился на юге, в туате Талиесин, где по вине тумана всего за неделю пропало две деревни вместе с пятьюстами крестьянами. — Мидир наклонился к полке с красками у края стола и окунул два пальца в красноречивый клюквенный цвет, а затем тряхнул рукой, окропляя красными точками то место на каменной карте, о котором говорил. — Скот остался не тронут, дома и хозяйства тоже. Версия о разбое и угоне жителей в рабство для незаконной добычи руды была опровергнута после того, как тот же туман заметили на востоке туата Медб, — Мидир тряхнул рукой ещё раз. —

Последствия те же — ни одного человека в поселении. Затем это повторилось ещё в семи местах. Судя по наблюдениям картографов, туман движется хаотично, но расстояние между точками, где он возникает, не превышает трёхсот лиг. А вчера на рассвете туман появился в Найси, почти на самой границе с Дейдрре, в тени Аспидовых холмов...

На карте появилась ещё одна клюквенно-красная точка, и я поёжилась, глядя на то, как близко туман подобрался к моему родному городу.

— Есть основания полагать, что рано или поздно туман появится в Столице? — озвучил мои мысли Гвидион, неуютно заёрзав на своём стуле.

— Если так, то ему достанется более пятнадцати тысяч человек одним махом, — мгновенно подсчитал Ллеу, и его улыбка померкла. — Включая нас...

— Да, это проблема, но не первоочередная, — ответил Мидир, и оба советника уставились на него в недоумении. — Куда важнее то, что туман больше не двигается. Появившись в Найси прошлым утром и обуяв деревню Лофорт, он так до сих пор и не исчез.

